

УДК 7.071.5

Рябов Н.Ф. – старший преподавательE-mail: ryabov.kazan@gmail.com**Казанский государственный архитектурно-строительный университет**

Адрес организации: 420043, Россия, г. Казань, ул. Зеленая, д. 1

Архитектурный аспект проблемы культурной идентичности

Аннотация

Важность сохранения культурной идентичности, определяемой в случае российского общества сложным территориальным, национально-этническим и историческим разнообразием, обозначается вектором устремлений наших дней – желаемой интеграцией в общемировое сообщество. Обоснование участия архитектора в обсуждении вопросов, касаемых идентичности, определяется как шириной охвата тем архитектурной проблематики, так и самой ее сутью. Изначальное архитектурное мировоззрение, базирующееся на утверждении структурной идентичности всех уровней организации универсума, позволяет современным исследователям архитектурного пространства говорить об эго-идентичности как об одной из составляющих идентичности места, о необходимости выработки на самой ранней стадии предпрофессионального становления – обучения в детской архитектурной школе – определенных творческих навыков и представлений о своей культурной принадлежности; актуализирует вопросы осмысления и учета в разнообразных архитектурных практиках регионального компонента.

Ключевые слова: идентичность, архитектурное пространство, К.С. Мельников, студия «Лес» (Санкт-Петербург), детская архитектурно-дизайнерская школа «ДАШКА» при КГАСУ.

Одной из актуальных тем общекультурного дискурса последних лет является определение степени важности сохранения культурной идентичности. Представители различных областей знания и творчества рассматривают многочисленные явления выражения этого понятия, изначально обозначавшего свойство психики человека в концентрированном виде выражать его представление о принадлежности к той или иной общности. Так литературовед Л.А. Софронова, анализируя культуру отношений автора, читателя и литературного героя «сквозь призму идентичности», говорит о поиске нашим современником социальной, национальной, конфессиональной, психологической, гендерной идентичностей как об одной из форм познания себя и своего окружения (многие варианты самопознания и отнесения себя к ряду уже известного характеризуют человека с разных сторон [1, с. 9]). Этот поиск она определяет как постоянный процесс овладения различными культурными кодами; однако само это свойство постоянным не бывает – входя в новые контексты жизни, человек непременно испытывает кризис идентичности [1, с. 10].

Возможно, именно эта переменчивость, «растворенного» во времени свойства, определяет повышенный интерес к теме отечественных и зарубежных участников обсуждения вопроса. Среди многих причин, актуализирующих вопрос кризиса идентичности наших дней, исследователи (Д. Голыинко-Вольфсон, А. Левчук) называют перегрев экономик, высокую турбулентность рынка (в результате вновь выросло значение национальных государств и пошатнулся престиж глобальной идентичности, навязываемой риторикой неолиберального капитализма [2, с. 30]), неконтролируемое разрастание информационного пространства (область открытых для всеобщего доступа текстов и изображений, в которой сто лет назад можно было возможно установление иерархических связей, превратилась в пространство, с трудом поддающееся простой классификации [3, с. 66]), нарастающие процессы урбанизации (урбанизация разрушила один из столпов идентичности – связь с естественным ландшафтом; человек воспринимает окружающий городской ландшафт столь же отстраненно, как виды в туристической поездке [3, с. 66]).

Очевидно, ощущение себя в рамках той или иной идентичности – одна из базовых констант, определяющих как сохранение «я» отдельного человека, так и целостность

всякого сообщества (территориального, гражданского, профессионального, группового). Цель данной работы – выявление архитектурного аспекта этой проблемы (мнения, суждения специалистов, обозначение идентификационного набора форм, персон, явлений), а также определение возможностей раннего формирования идентификационных свойств на стадии предпрофессионального становления – обучения в детской архитектурной школе.

Обоснование участия представителей архитектурного сообщества в обсуждении вопросов, касаемых идентичности, определяется как шириной охвата тем архитектурной проблематики, так и самой ее сутью. Архитектура – искусство пространственное, позволяющее человеку в полной мере осознавать себя как существо телесное и духовное одновременно. Историк А. Корбен, анализируя эту двойственность, определяет человека как особую территорию (его тело занимает место в пространстве и само является пространством, где царит «я» [4, с. 6]). Духовная составляющая этой «территории» связана с многими культурными кодами, самые значимые из них – архитектурные.

Изначальное архитектурное мировоззрение, базирующееся на утверждении структурной идентичности всех уровней организации универсума (человек – город – Земля – вселенная), позволяет современным исследователям архитектурного пространства говорить об эго-идентичности как об одной из составляющих идентичности места (города, района). Социальный психолог М. Бергстрем (Финляндия), рассматривая проблему освоения городскими жителями новых районов, акцентирует внимание на важности событийной наполненности места. Повторяемые события – база формирования городских практик, традиций, ритуалов – могут происходить на культурном, политическом, коммерческом уровнях, наделяя идентичность места особым символическим значением. Временная обусловленность специфического свойства архитектурного пространства (равно как и его создателей, потребителей) позволяет утверждать: «Никакое место не может быть готовым, завершенным, оно всегда находится в процессе становления и всегда может принять новые формы, обрести в будущем новую идентичность» [5, с. 92].

Это постоянные преобразования человека и места, определяющие легитимность всякого архитектурного явления (архитектура может всерьез состояться, когда она выражает «здесь и теперь» времени и места, в котором она появляется [6, с. 228]), определенно нуждается в некоем наборе базовых констант (форм, персон, повторяющихся событий, определяемых свойств). Архитектурный критик Г.И. Ревзин, образно обозначая проблему национальной идентичности в российской архитектуре и дизайне «лесом русской специфики», в качестве источников подобных символических «знаков узнавания» называет образы русского авангарда и русской истории [6, с. 322]. Одной из знаковых персон, сумевшей объединить эти образы в своем творчестве, можно назвать архитектора Константина Степановича Мельникова (1890-1974), раздражавший, по его собственным словам, коллег-современников «одиноким непоколебимостью сберечь себя в себе» [7, с. 75]. В этом самоопределении уже заложен узнаваемый образ особого пространства, где царит «я», нашедший воплощение в его цилиндрическом доме, ставшем своеобразным идентификационным знаком российской архитектурной самобытности. Исследователь творчества мастера А.В. Иконников говорит: «Мельников был слишком индивидуален, чтобы сплотить вокруг себя единомышленников, как спланивались они дисциплинированностью мудрых братьев Весниных, острым интеллектом М. Гинзбурга, подавляющей эрудицией И. Жолтовского» [7, с. 8]. Однако по прошествии лет именно его постройки, он сам как личность оказываются наиболее востребованными в «лесу русской специфики».

Летом 2014 года в Центральном доме архитектора (Москва) состоялся круглый стол «Национальная идентичность архитектуры сегодня», посвященный подведению итогов международного конкурса «Русский характер» (с российскими участниками в конкурсе соревновались представители Словении, Финляндии, Швейцарии, что делает очевидной повсеместную злободневность вопроса идентичности). Один из участников обсуждения – директор МАРИШ Н. Токарев обозначил Мельникова как символ «русскости» за рубежом. При этом он заметил, что разговор о русской идентичности «сильно отдаёт XIX столетием», тема круглого стола – проявление кризиса самоидентификации в современной отечественной архитектуре, а особая значимость

Мельникова определяется тем, что мыслил он в общемировых категориях, не задумываясь о русской идентичности [8].

Подобный взгляд – очевидное утверждение глобальной идентичности, определяющей «универсальное» мышление нового человека мира. Можно согласиться, что истоки вопроса уходят в век XIX – время разрушения классического представления о человеческом теле как территории, где царит «я», силой социальных и идеологических контекстов (соблюдение правил, ежедневная работа над внешностью, сложные ритуалы взаимодействия между людьми, границы возможного в игре с общепринятым стилем, взглядами, поведением [4, с. 6]). Что же касается того в каких категориях мыслил Мельников, то на этот вопрос мастер вполне определенно отвечает сам в автобиографической работе «Архитектура моей жизни» (1967): «Весь архитектурный труд автора, который до последнего дня уклонялся от знакомства с профессиональной литературой и тем более с ее журнальным показом современных форм, является персональным пересказом современности с национальным оттенком русской натуры художника» [7, с. 69].

Истоки идентичности Мельников обнаруживает в самом начале обретения своего «я» как особого пространства: «Местом моего рождения была Соломенная сторожка, в честь которой назывались и станция паровичка и остановка трамвайной линии. Ее самой, созданной из глины и соломы, теперь уже нет, но ее ароматное имя чуть ли не до сего дня еще носится в воздухе Петровско-Разумовского. Что-то ей родное стояло на всех путях моих дерзаний, их жгла печать ее архитектуры» [7, с. 58]. Образ родового гнезда (гнездо человека, мир человека незавершимы и воображение помогает нам продолжить созидание [9, с. 100]) – возможный ключ к «прочтению» архитектурных форм мастера, пониманию его «одиноким непоколебимости».

В одной из своих работ автор данного исследования, доказывая важность практического опыта раннего «присвоения» пространства, соотносил воспоминания Мельникова о своих первых детских экспериментах (событиях 1897 года – времени, когда ему было семь лет) с различными материалами, пространственными эффектами («строительство» водяной мельницы, снежной горы для катаний) с последующими новаторскими формами зрелого мастера [10, с. 47]. Сравнение позволило предположить, что раннее самоопределение на стыке природы и народной культуры стало базой установления особого стиля, который сам Мельников, отрицая «архитектурное непостоянство в побрякушках из современных доктрин и формул» [7, с. 68], называл архитектурой первородного стиля [7, с. 67]. В его случае в роли «начальной» архитектурной школы (места процесса обретения идентичности) выступила подмосковная деревня Лихоборы и ее окрестности.

Пространственную обусловленность дома архитектора в Кривоарбатском переулке обнаруживает и исследователь творчества мастера Е. Егорычев [11]. По крупницам восстанавливая историю создания легендарной постройки (строительство шло два года – с 1927 по 1929 год), он по сути выстраивает систему идентификационных пространственных знаков, определяющих сам образ жизни Константина Степановича (если я действительно архитектор, то меня должны видеть тем, кто я есть, – я должен построить дом [7, с. 82]).

Еще будучи студентом Мельников искал в Москве подходящий под нужды его семьи старый дом; так сохранились выполненные в 1916-1917 годах эскизы перестройки одного каменного строения (как стало известно позже, это были жилые палаты XVII века). С 1919 года архитектор приступает к проектному поиску оригинального решения. Егорычев связывает эту перемену устремлений с определенными обстоятельствами – начиная с этого года Мельников с женой и детьми живет в двух комнатах коммунальной квартиры, одна из которых – четверть круга в плане – пятью окнами выходила на угол Петровки и Страстного бульвара (похоже именно в этой необычной комнате, где располагалось и рабочее место молодого архитектора, появилась идея «круглого дома» [11, с. 12]). Не менее интересным представляется эпизод, связанный с возведением стен дома в Кривоарбатском переулке, в частности появлением незапланированного окна в гостиной, предполагаемой как вторая мастерская. При строительстве стены этой гостиной оставили проем, чтобы выкидывать через него строительный мусор со второго этажа. Однажды Мельников увидел как сквозь эту дыру, открывающую вид на старую

церковь в соседнем дворе (церковь Николы в Плотниках конца XVIII века, снесена в 1932 году), прямо в центр комнаты падает сноп света заходящего солнца. Пораженный этим эффектом архитектор решает оставить изначально незапланированное окно-проем, придав ему особую форму [11, с. 30].

Приведенные примеры убедительно доказывают, что понимание особенности этого мастера невозможно вне рассмотрения его принадлежности к некоей материально-духовной общности, учета работы в его постройках принципа «здесь и теперь». В его случае можно говорить о культурной значимости, во многом определяемой московской идентичностью, пространственным выражением которой, по словам Г.И. Ревзина, является соответствие архитектурных форм «интригам» переулков, дворам сложной конфигурации, разрывам в застройке – всему, что называется старой Москвой и что принято любить [6, с. 218].

Очевидно, что такая обусловленность творческого сознания окружением, а точнее – полное погружение «я» в «здесь» позволяет вспомнить о важном вопросе осмысления и учета в разнообразных архитектурных практиках регионального компонента, выражающего концепцию архитектуры, вписанной в среду на основе изучения местных традиций. Участие в научно-практических конференциях региональных школ архитектуры и дизайна, затрагивающих этот вопрос, действующих практиков, педагогов-архитекторов, специалистов гуманитарных областей знания России и стран ближнего зарубежья – само по себе проявление профессиональной идентичности, во многом определяющей архитектурный процесс в регионах. Так Г.Н. Айдарова (КГАСУ), описывая модель архитектурной культуры региона по аналогии с принципами развития живой природы, говорит о характеризующих архитектурно-строительную деятельность процессах отбора, наследственности и изменчивости (отбор – проверка на соответствие образцов чужой или собственной культуры базовым ценностям, защита от культурного удара; наследственность – фиксированная память прошлого опыта, определяемая наряду с материальными факторами психологическими установками, национальными способами мышления, сознания, мироощущения [12, с. 51]). А.К. Рогожников (УралГАХА), опираясь на исследования по психологическим аспектам восприятия, настаивает на расширении смыслового поля теории композиции (специфика региональной архитектурной композиции выражает сущность местной культуры [13, с. 55]). И.П. Кириенко (СГУТКД), рассуждая о восприимчивости творческой единицы к региональной среде, утверждает важность образно-метафорического насыщения работы (навигатором региональной когнитивной деятельности выступают проявления метафоры: параллелизм, сравнение, уподобление [14, с. 65]). По сути обозначаемые ими принципы (развитие в рамках действия факторов отбора, наследственности, изменчивости; образно-метафорическое своеобразие, определяемое региональной спецификой) применимы к описанию постоянно подвергающихся на прочность идентификационных свойств, определяющих всякую культурную (включая профессиональную) принадлежность.

Важным средством выражения и закрепления этих свойств на практике являются тематические архитектурные конкурсы. Так ставший традиционным Всероссийский конкурс инновационных проектов «Архитектурный образ России», своими номинациями фиксируя общность профессиональных интересов, определяет типологию объектов, выражающую работу живых «механизмов» отбора и наследственности: студенческий кампус, многоквартирный дом для молодой семьи, центр досуга для малого населенного пункта.

Особого упоминания в рамках исследуемой темы заслуживает один из победителей международного конкурса на проект минимального жилого модуля, организованный журналом «Проект Балтия» и хостелом Yarku Hostel & Space (Санкт-Петербург, 2014). Проект «Колыбель», предложенный на конкурс петербургской студией «Лес», и выбранный к реализации организаторами конкурса – образец действенности методов ассоциативного и метафорического освоения элементарного жилого пространства. Минималистичный фанерный короб с каркасом из дерева, с полукруглым дном и светопрозрачной кровлей в предельной простоте остроумной формы (спальня-колыбель) продуцирует многообразные образы «узнавания» (он и колыбель ветра и ловушка снов и дом под звездным небом и гнездо-берлога). Новаторский подход в формировании жилого пространства через его телесное «проживание» (по словам члена жюри В. Фролова, среди

120 работ, представленных на конкурс российскими и зарубежными участниками, по-настоящему экспериментальных предложений, не копирующих стратегий современного искусства и дизайна, а остающихся в сфере архитектуры, было удивительно мало [15, с. 98]) в сочетании с обращением к узнаваемым народным прототипам – выражение особой идентичности, привычно обозначаемой как «русская», но вмещающей больше чем понимание только национальной составляющей. Эта идентичность – выражение сложной многонациональной целостности, достигаемой через диалог, вживание в ситуацию; через действие художественного воображения, стремление преодолевать стереотипы повседневного восприятия.

Очевидно, что понимание важности подобных сочетаний, определяющих характерную самобытность, равно как и накопление определенных навыков, умений, знаний самого разного толка, определяющих профессиональную идентичность, должно начинаться в самом начале профессионального становления. Одной из характерных особенностей российской архитектуры последних десятилетий стало появление целой сети детских архитектурных студий и школ. Процесс утверждения глобальной идентичности требует от них решения расширенных задач и целей, в частности – воспитания гармонично развитой личности, осознающей свою культурную, гражданскую, территориальную идентичность (нельзя выстроить систему знания, не выстроив личность, и наоборот).

Базой работы по решению этих задач и целей может стать весьма простая установка, которую обозреватель профессионального архитектурного издания «Проект Балтия» А. Левчук определяет как «новое чувство идентичности». В рамках глобализационных процессов (нарастающей виртуализации, девальвации значимых артефактов и постоянного изменения ландшафта под напором урбанизации) его основой может стать простое ощущение окружающей среды, а также переживание времени, связанное с длительностью светового дня, сменой сезонов [3, с. 66].

Признание правильности подобной установки (ее легитимность определяется ранним опытом прямого «освоения» пространства Константином Мельниковым) наделяет особой значимостью учебные практики, проводимые вне стен школы: летние пленэры, экскурсии, познавательные игры в жанре «квест», создание средовых объектов, участие в городских акциях. Возможность успешного развития у своих учеников способностей восприятия реального пространства на должном эмоционально-образном уровне, первичных профессиональных навыков его освоения и преобразования, равно как и «конструирования» идентичности в режиме «здесь и теперь» демонстрирует в своей работе казанская детская архитектурно-дизайнерская школа «ДАШКА» при КГАСУ.

Особую эффективность в реальных пространствах (как урбанизированных, так и первозданных) показывают игровые и созидательные практики, направленные как на формирование навыков креативного пространственного освоения, так и навыков совместной работы. В рамках нашей темы (осознания учеником своей принадлежности к коллективу, специфической архитектурной деятельности, родному краю, его истории) заслуживают упоминания: летние лагеря-пленэры в Свяжске (1999), в Булгарах (2005), в окрестностях Семиозерского монастыря (Высокогорский район РТ, 2011, 2014, 2015); познавательные квест-игры с элементами ориентирования на местности «Сокровища болгарского ханства» (Булгары, 2005), «Лабиринтами Велимира» (Казань, 2011); участие в исследовательском проекте «Лен и тлен» Центра современной культуры «Смена», связанном с творческим осмыслением и освоением территории Алафузовских мануфактур (Казань, 2014); строительные акции по возведению средовых объектов – «Поцелуй на морозе» (строительство снежного лабиринта и временного павильона на улице Калинина, связанной с детскими и юношескими годами поэта В. Хлебникова, Казань, 2011), «Башня-беседка», «Скамья уединенная» (возведение арт-объектов для городского праздника «КНИГАФЕСТ», Казань, 2014). Подобная деятельность школы, получившая высокую оценку со стороны профессионального сообщества (дипломы фестиваля «Зодчество») – свидетельство возможности решения расширенных задач по формированию у будущего архитектора особого мировоззрения творца и осознания своей культурной идентичности.

Особого упоминания в рамках рассматриваемой темы заслуживает школьная акция «Архитектура для птиц», связанная со строительством и установкой школьниками

скворечников в одном из казанских парков (2013). Обращение к предельно простой форме формы птичьего «дома» (дома-гнезда), воплощающей связь «человек – природная среда», потребовало от педагогов-координаторов (Д.Р. Галиакберова, А.Н. Москалев, С.В. Новиков) особой организации учебного процесса по принципу формирующего эксперимента. Все этапы акции – постановка проектных задач, знакомство с местом, поиск образного прототипа, композиционно выразительной формы, ее корректировка с учетом сохранения определенных параметров внутреннего пространства, утверждение графической и объемной моделей, знакомство и работа с профессиональными столярными инструментами, установка «гнезд» в парке – были направлены на подчинение индивидуальных поисков-«открытий» коллективным интересам и возможностям, что способствовало осознанию каждым из учеников как действенности принципа «здесь и теперь», так и своей принадлежности к группе (возможно, для подростка именно групповая принадлежность может стать надежной базой культурной идентичности), традициям, характерным для определенного места.

Именно подобное представление собственной творческой значимости, определяемое через принадлежность «я» к конкретной общности лиц, объединенных творческим актом, и есть та культурная идентичность, о необходимости сохранения которой говорят представители самых разных областей знания и творчества. Полноценность этого диалога невозможна без участия архитектора, определяющего своей работой саму возможность и характер этого диалога в реальном пространстве. Важность сохранения культурной идентичности, определяемой в случае российского общества сложным территориальным, национально-этническим и историческим разнообразием, обозначается вектором устремлений наших дней – желаемой интеграцией в общемировое сообщество. Лишенное идентификационной базы поле сознания регрессивно (процесс этот неизбежно заканчивается равнодушием к диалогу, к «другим» [13. с. 56]).

Один из лидеров русского конструктивизма А.М. Родченко (еще один символ «русскости» за рубежом) в 1925 году, находясь в Париже, писал в Москву: «За границей наших мастеров не признают, за исключением своих или тех, всегда там живущих. Все хорошее они сдерут, и они омолодятся. Мы не организуем никакого быта, если наши взаимоотношения будут похожи на взаимоотношения богемы Запада. Вот в чем зло. Первое – это наш быт. Второе – подбирать и держаться твердо вместе и верить друг в друга» [16, с. 86]. Что это как не осознанное признание важности сохранения базовой идентичности? Характерными чертами этого свойства на протяжении многих лет для наших архитекторов были и, очевидно, должны остаться: новаторский подход, обусловленность проектного решения обязательной творческой концепцией (изначальным представлением о русском художнике как существе по преимуществу творческом, а не коммерческом [6, с. 254]), особый уровень образного насыщения форм (автопортретность через метафоричность, прямую и аналоговую связь с окружением), учет существующих традиций (стилевых, поведенческих, профессиональных, региональных) даже в их преодолении, осмысление объектов творчества прежде всего как пространственных, выражающих в своем строении работу принципа «здесь и теперь».

Список библиографических ссылок

1. Софронова Л.А. О проблемах идентичности // Культура сквозь призму идентичности. – М.: Индрик, 2006. – С. 8-24.
2. Голышко-Вольфсон Д. Секрет северной идентичности? // Проект Балтия, 04/2011-01/2012. – С. 30-33.
3. Левчук А. Идентичность через подвиг // Проект Балтия, 04/2011-01/2012. – С. 66-68.
4. История тела: Т. 2: От Великой французской революции до Первой мировой войны / Пер. с фр. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 384 с.
5. Бергстром М. Новые районы Хельсинки: обретение формы // Проект Балтия, 2014, № 3. – С. 90-92.
6. Ревзин Г.И. На пути в Боливию. – М.: Проект Классика; ОГИ, 2006. – 576 с.
7. Константин Степанович Мельников: Архитектура моей жизни. Творческая концепция. Творческая практика. – М.: Искусство, 1985. – 311 с.

8. Русская идентичность в архитектуре: что же все таки это такое и есть ли она вообще? // Архсовет Москвы. 2014. 26 июня. URL: <http://m.archsovet.msk.ru/article/sobytiya/russkaya-identichnost> (дата обращения: 3.10.2015).
9. Башляр Г. Избранное: Поэтика пространства / Пер. с фр. – М.: РОССПЭН, 2004. – 376 с.
10. Рябов Н.Ф. Реальные пространственные впечатления в становлении будущего архитектора // Известия КГАСУ, 2015, № 1 (31). – С. 47-55.
11. Егорычев Е. Дом Мельниковых: Константина и Виктора. – М.: «Москва, которой нет», 2013. – 64 с.
12. Айдарова Г.Н. Архитектурная культура региона как сверхсистема // Развитие региональных архитектурно-художественных школ в контексте историко-культурных традиций. Материалы научной конференции. Том 1. – Казань: КГАСУ, 2005. – С. 49-53.
13. Рогожников А.К. Культурная составляющая архитектурной композиции // Сб. научно-методических трудов, № 2, «Архитектурно-художественная композиция». – Екатеринбург: Архитектон, 2007. – С. 54-57.
14. Кириенко И.П. Региональные особенности преемственного начального художественно-проектного образования // СТУПЕНИ-2010: материалы 1-й Всероссийской научно-практической конференции «Перспективы преемственности и взаимосвязи довузовского, вузовского и послевузовского художественно-проектного образования в условиях информационного общества». – Наб. Челны: НИСПТР, 2011. – С. 64-67.
15. Кролл К. Яркость и минимальность // Проект Балтия, 2014, № 3. – С. 98-104.
16. Родченко А.В. В Париже. Из писем домой. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. – 136 с.

Ryabov N.F. – senior lecturer

E-mail: ryabov.kazan@gmail.com

Kazan State University of Architecture and Engineering

The organization address: 420043, Russia, Kazan, Zelenaya st., 1

Architectural aspect of cultural identity problem

Resume

Internal human life is connected with many cultural codes. Architectural are the most significant of them. Modern researchers of architectural space speak about an ego identity as one of the components of a place identity.

Identification properties of the person are being changed in time as well as places. It defines the importance of event and figurative fullness of life in city space, legitimacy of any architectural phenomenon. The consciousness deprived of this identification base is regressive, the imagination is fruitless. Many problems of actual architectural process are connected with crisis of self-identification of the architect as inhabitant of a certain place (the city, the country) – the statement of global identity.

Conditionality of creative consciousness an environment staticizes questions of judgment and the account in various architectural practitioners of a regional component; it defines sources of identity of the significant cultural character – the architect – the citizen K.S. Melnikov. He defined the architectural work as «personal retelling of the present with a national shade of the Russian nature of the artist». Its practical experience of early «assignment» of space (finding myself in search of the native place) defines possibility of formation of identification properties at a training stage at children's architectural school. It is achievable through dialogue (work in group), through getting used to situation (work in real space), action of art imagination (the work directed on transformation of an environment), aspiration to overcome stereotypes of daily perception (the work directed on transformation). Possibility of «designing» of identity during form art experiment in the mode «here and now» is shown in the work by children's architectural and design school «DASHKA» at KGASU. Special efficiency is shown by game and creative practitioners: summer camp open-air, informative a quest game with elements of explaining the ground, an action of construction of temporary and stationary environmental objects.

Keywords: identity, architectural space, K.S. Melnikov, studio «Les» (St. Petersburg), children's architectural and design school «DASHKA» at KSUAE.

Reference list

1. Sofronova L.A. About identity problems // Culture through an identity prism. – M.: Indrik, 2006. – P. 8-24.
2. Golynko-Volfson D. Secrets of the nordic identity? // Project Baltia, 04/2011-01/2012. – P. 30-33.
3. Levchuk A. Identity through heroism // Project Baltia , 04/2011-01/2012. – P. 66-68.
4. Body history: T. 2: From Great French revolution before World War I. / Lane with fr. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. – 384 p.
5. Bergstrem M. Helsinki's new districts: taking shape // Project Baltia , 2014, № 3. – P. 90-92.
6. Revzin G.I. On the way to Bolivia. – M.: Project Klassika; OGI, 2006. – 576 p.
7. Konstantin Stepanovich Melnikov: Architecture of my life. Creative concept. Creative practice. – M.: Iskusstvo, 1985. – 311 p.
8. The Russian identity in architecture: what after all this such and whether is it in general? // Arkhsovet Moskva. 2014. June 26. URL: <http://m.archsovet.msk.ru/article/sobytiya/russkaya-identichnost> (reference date: 3.10.2015).
9. Bashlyar G. Favourites: Poetics of spase / Lane with fr. – M.: ROSSPEN, 2004. – 376 p.
10. Ryabov N.F. Real spatial impressions in formation of future architect // Izvestija KGASU, 2015, № 1. – P. 47-55.
11. Egorychev E. Dom Melnikovykh: Konstantin and Victor. – M.: «Moskva, kotoroi net», 2013. – 64 p.
12. Aydarova G.N. Architectural culture of the region as supersystem // Development of regional architectural and art schools in a context of historical and cultural traditions. Materials of scientific conference. Volume 1. – Kazan: KSUAE, 2005. – P. 49-53.
13. Rogozhnikov A.K. Cultural component of architectural composition // Sb. scientific and methodical works, № 2, «Architectural and art composition». – Ekaterinburg: Arkhitekton, 2007. – P. 54-57.
14. Kirienko I.P. Regional features of successive primary art and design education // STUPENI-2010: materials of the 1st All-Russian scientific and practical conference «Prospects of Continuity and Interrelation of Pre-university, High School and Postgraduate Art and Design Education in the conditions of Information Society». – Nab. Chelny: NISPTR, 2011. – P. 64-67.
15. Kroll K. Striking and minimal // Project Baltia, 2014, № 3. – P. 98-104.
16. Rodchenko A.V. In Paris. From letters home. – M.: Ad Marginem Press, 2014. – 136 p.